

ЕКАТЕРИНА ТРЕНИНА

Приблудиласъ къ нам ведѣма

Екатерина Тренина

**Приблудилась к нам
ведьма. Сборник рассказов**

«Автор»

2026

Тренина Е.

Приблудилась к нам ведьма. Сборник рассказов / Е. Тренина — «Автор», 2026

Самые большие битвы происходят не на полях сражений. Они разворачиваются внутри каждого из нас, когда нужно принять важное решение, побороть страхи, простить себя за ошибки и собраться с силами, чтобы двигаться дальше. Сборник рассказов Екатерины Трениной «Приблудилась к нам ведьма» познакомит с героями, которые преодолевают жизненные трудности, ищут своё предназначение и находят утешение в искреннем проявлении заботы о людях и животных. Душевные истории наполнят сердце теплом, помогут обрести опору и поверить в себя. Книга вдохновит на новые свершения и напомнит, что счастье заключается в любви, поддержке и взаимовыручке. Терапевтические рассказы для души в обрамлении фантастики, фэнтези и магического реализма от психолога и фантаста.

© Тренина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1 (фэнтези)	5
Приблудилась к нам ведьма	6
Бер — значит медведь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Екатерина Тренина
Приблудилась к нам
ведьма. Сборник рассказов

ЧАСТЬ 1 (фэнтези)

Приблудилась к нам ведьма

Альба наспех паковала дорожную сумку. Вещи валились по обе стороны от неё, она подбирала их и снова заталкивала, при этом умудрялась заплетать волосы, держа невидимки зубами.

— Ты куда? Никак нашла что-то остросюжетное? — спросил её главный редактор, по совместительству директор и основатель второй по значимости городской газеты.

— Вчера у трактира услышала, что святая эрмандада съездила в деревню Долгие бороды, чтобы сжечь ведьму, и вернулась ни с чем.

— В смысле, прах разлетелся по лесу?

— Ха-ха. В смысле, жители защитили ведьму, и она до сих пор у них, — Альба топала толстыми каблуками сапог по деревянному полу, собирая писательские принадлежности, раскиданные по разным столам.

— Ты думаешь, она их заколдовала всех?

— Я думаю, что у нас более просвещённое общество оказалось в деревне, нежели в городе. И еду туда, чтобы взять у них интервью, дабы их примером объяснить всем остальным, что сжигать людей стыдно и пора найти огню более достойное применение.

— Погоди, Долгие бороды — это сутки езды. Ты вернешься в лучшем случае через четыре дня. А мне материал нужен уже послезавтра, — начал ныть редактор.

— Это история стоит и недели отсутствия. Газету будут отрывать с руками. Либо задержи выпуск, либо развлеки пока всех городскими сплетнями. Я уверена, ты справишься.

Альба взяла мешочек с монетами, накинула плащ и быстро вышла на улицу, оставив главу газеты растерянно моргать.

— Ведьму они в деревне не ликвидировали, что удивляться: у нас в городе своя вон неуловимая есть! — выругался тот.

Через двадцать два часа Альба уже стояла на шатких деревянных ступенях крыльца небольшого домишка. На её стук дверь открыла пожилая женщина в простой одежде.

Альба кратко объяснила, кто она, зачем приехала, что ей нужно остановиться у кого-то на несколько дней, так как в деревне нет постоянного двора, но сказали, что можно попроситься сюда.

Бабушка довольно кивнула: деньги ей были нелишние. Она пропустила молодую женщину внутрь, накипятила ей воды, чтобы та могла привести себя в порядок, и подала на стол свежий хлеб, жареное яйцо и тёплое молоко.

Для уставшей Альбы это было как нельзя кстати. Она даже подумала, что многое бы отдала, чтобы иметь такую поддержку по хозяйству на постоянной основе.

Умывшись, поев, сменив платье, Альба сначала опросила бабушку, набросала нужные адреса и имена, а потом не мешкая отправилась обходить людей.

Первое хозяйство находилось почти у самого леса. На заборе сидела роскошная лиса и смотрела на Альбу умными чёрными глазами. При приближении женщины лиса даже не дёрнулась, только отвернулась и сосредоточилась на созерцании леса.

— Чудно, — констатировала Альба.

Хозяин этого небольшого подворья был огромен и волосат.

Когда Альба рассказала ему, зачем она здесь, он поведал ей такую историю:

— Да, есть у нас ведьма. Приблудилась около года назад. Живёт в лесу, но не сильно далеко от деревни. Заняла старый домик лесника. Лесник-то старый умер, а молодой себе новый дом поставил совсем в глуши. А тот домик заброшенный стоял. Ну она его и облюбовала. При желании её быстро можно отыскать. Не прячется. Наоборот, если к ней идёшь, как правило, ждёт тебя уже. Я сам один раз к ней обращался. Замучили меня лисы, повадились

кур да новорождённых ягнят таскать. Кладовой тоже не гнушались — если проберутся, то и яйца раскусывают, и сыр утаскивают. И умные да юркие такие — то в щель пролезут, то подкоп сделают. Попросил я ведьму о помощи: отчаянье меня взяло. Раньше собаки хоть как-то помогали, а тут померли все в деревне: болячка их какая-то неведомая скосила. Но, если честно, и когда были собаки, тоже не всегда с лисами справлялись. Собака домашняя изнеженная, куда ей с диким зверем тягаться в прыти да находчивости.

Так вот, стало быть, пришёл я к ведьме, сходу ей свою беду вывалил и придушенную курицу принёс, протягиваю. Она взяла её и кивнула, чтоб я шёл домой. Ничего не сказала.

Неделя проходит, вторая. Я уж думал, мож, я не заплатил ей или задача даже для ведьмы непосильная, уж хотел собрать продуктов и снова к ней. Да не пришлось — сама заходит на мой двор. И лисёнка мне протягивает, да ещё колченогого какого-то, исхудавшего, ну сам помрёт с минуты на минуту.

Я удивлённо смотрю на неё. А она говорит: «На, решение твоей беды. Выходи. Выкорми. И будет тебе покой».

Я вначале осерчал. А она и бровью не повела, ушла спокойно, будто и правда мне золото какое принесла. Я задумался. А вдруг это обряд какой, и я не понял. Лисёнка выходил, выкормил. Ему много и не понадобилось — на яйцах и молоке он быстро оклемался и окреп. Нога сломана у него была, я обрабатывал, к палочке привязал — срослась. Выросла хулиганка сильная, красивущая, а ласковая, ну больше, чем собака, ей богу! И еду только из моих рук берёт, сама ничего не трогает. Нет, она может сено перекопать или посуду перевернуть. Но цыплят рядом с ней можно выпускать — не тронет. Сметану на столе оставить — не лизнёт даже.

А самое удивительное: перестали к нам другие лисы ходить. Она всё по периметру пометила, что это её хозяйство, видимо. И другие уважают, мол, её территория, видно. А самые наглые, кто сунулся-таки, так от неё огребли, что бежали, только пятки сверкали. Она крупнее их, сильнее, ещё бы — на моём-то молоке.

Я, как своё счастье понял, насобирав еды самой лучшей, одеяло овчинное новое, которое жена сшила, прихватил и ведьме понёс. Она вышла навстречу, улыбнулась, благодарно кивнула, всё-всё взяла и ушла.

Но это ещё не конец. Пропала как-то моя лиса, не было её несколько дней. Я уже успел пол-леса прочесать в поисках, думал, ранил её кто из нападающих и уползла она в лес, или гналась за ними, а её там массой накрыли. Не нашёл. Сама пришла. Целая. Довольная. Я подумал: наверно, лес её зовёт. Охота, и всё такое. Видимо, будет уходить теперь часто. Без неё тяжело пришлось: три раза разгонял лис. Но что делать, понимаю её — она зверь дикий. Не вечно же ей с нами нянчиться.

Но дело было не в этом — округлилась она через месяц. Ой, думаю, что делать? Куда теперь её приплод-то девать. Всех кормить, что ли? Так скоро и хозяйства не хватит, как начнут они все раз в год рожать. Или на волю их как-то выпускать? А как? Они же домашние будут. Пошёл к ведьме. Сразу сыру взял, шкуру овчинную. Выходит мне навстречу. Так и так, рассказал ей свою беду. Она только и посмотрела на меня, как на идиота. Шкуру и сыр взяла и кивнула домой идти.

Прихожу во двор, а там сосед стоит. Говорит: «Жёнка твоя обмолвилась моей, что у лисы вашей детки скоро будут? Как родятся, воспитает она их в своём духе — я бы одного купил. Сколько хочешь?»

Родила она трёх. Так всех расхватили. Ещё и аукцион тут настоящий устроили. На следующий год в очередь записались.

Ну что, взял я корзинку яиц, молока бидон, хлеба три буханки и отнёс ведьме.

Альбе нечем было прокомментировать этот рассказ. Она только шагнула к лисе, погладить хотела.

— Ой, не надо! — предупредил быстро хозяин. — Тяпнет. Только меня признает. Верная.

Альба разрывалась — заскочить в свою комнатку, быстро записать услышанную историю или пройтись ещё по двум людям и потом весь оставшийся вечер провести в доме, уже вдумчиво и неторопливо всё описывая. И выбрала второй вариант.

На втором подворье она поспешила найти хозяйку. И услышала другую историю.

— Я бы никогда не пошла к ведьме, но шибко прижало. Мой дядька помер и остался от него дом. Вначале похороны, все дела. Потом горевали мы. А как до дома руки дошли, простоять он успел зиму целую и отсырел. Где-то плесень появилась, где-то что-то развалилось, где-то пища брошенная разложилась да тряпки пылью, паутиной и грибами поросли. Работы непечатый край надо проделать, чтобы снова можно было жить в доме. Да браться страшно ещё было.

Зайду, бывает, в свободные часы мусор разобрать — а люто делается одной. Так мрачно в доме, промозгло, тени по углам шевелятся, да ещё шорохи странные, вещи с одних мест пропадают, в других появляются. Пятна то есть, то нету. Запах смерти словно. Я одна дольше трёх минут не выдерживала — бежала без оглядки до своего дома или до людей. И муж мой придёт, бывает, в дом дяди — чего оторвать, прибить, и только с двумя друзьями справляется, а сам сразу, как сдувается: всё ему кажется, что сам не осилит ту или другую починку. Прямо неподъёмным кажется ему дело, которое он дома за полчаса один спокойно делает. И все люди в деревне этот дом стали стороной обходить. Говорят, мол, страшно в чёрные окна смотреть: веет нехорошим от дома, нечистая там сила завелась. Чуть ли не дух дяди моего привидением поселился или ещё какой злой дух. Дети стали про дом страшные истории рассказывать и пробираться в него «на слабо»: кто не боится, мол, там час провести. Да как это водится у них, между делом окно разбили да стол сломали.

Промучившись всю весну, мы поняли, что без ведьмы не справимся. Выбрала я для неё лучшего поросёнка, юбку новую свою сложила да сапоги сходила тёплые прикупила, а то знаю: у неё беда с обувью. И всё это ей отнесла. Говорю, помощи: злой дух дом отнимает или дядя не упокоился — что делать?

Она подавание взяла, в избушку свою отнесла и тут же вышла, мол, веда в дом, покажи, что там не так. Ну я её и привела. Сама входить не стала. Она побыла там минут десять вышла и говорит: «Невелика беда. Это не злой дух. Это барабашка разбушевался. Зимой вы его одного в холодном доме бросили — он вам этого не простил. Куражится страшно. Но поправимо. Время нужно и внимание. Я похожу сюда несколько недель. Его тормозить пора, а то он в таком состоянии, что и себя, и дом уничтожит».

Ну, в доме ценного ничего уже и не было, поэтому я дала ведьме ключи. И принялись мы наблюдать.

Она исправно ходила в дом каждый день. И проводила там по несколько часов. Разводила там огонь в очаге, что-то чистила, мыла, вытаскивала мусор во двор, что-то сжигала. Муж мой только успевал вытасченный ею мусор со двора вывозить. Потом она попросила кое-каких строительных принадлежностей и что-то там сама зачищала, шпаклевала, белила. Потом вызвала мужа моего с друзьями и показала, что починить, докупить, поменять. Они за два дня управились. Дымоход переложили, крыльцо, окна поменяли, стол новый срубили. Потом она ниток, тряпок у меня попросила, маринадов и корнеплодов. Я всё принесла.

И стало так любопытно: стала я в окна периодически заглядывать. А она сидит там в чистоте у очага и под свечку шьёт что-то или вяжет — так уютно. Смотрю, и муж мой повадился ходить спрашивать — не надо ли ещё чего, и всё смотрит, как там внутри. И детвора пугаться перестала, начала играть у дома. И кот к дому прибился. Ведьма ему каждый день угощение приносила. Бездомный кот, ничейный раньше был, шпыняли его все, плешистый с заплаканными глазами. А тут шерстью зарос, глаза прояснились, лежит на новом крыльце, на детвору смотрит. Люди стали мимо дома ходить охотнее, всё в окна поглядывают и мне нахваляют: мол, хороший дом вам от дяди достался, аккуратненький, уютный.

А потом ведьма пришла ко мне во двор и ключи молча отдала. Я, недолго думая, пошла посмотреть, что там и как у неё получилось. Захожу во двор — а там птицы поют, ягоды спеют, кот мышей сторожит на пеньке, дом словно рад мне. Я вошла внутрь — а там чистота, вкусно пахнет травами и дровами, коврики, связанные на половицах, плед на кровати новый. Всё просушено, починено, по полочкам те немногие хорошие вещи, что остались от дяди, разложены. Просторно и уютно. Я решила всё хозяйство осмотреть. Дров на две недели. А в погребе полочки новые сколочены, на них ровненько мои баночки с соленьями стоят, и в ящичке сколоченном, корнеплоды и яблоки румянятся. И так на душе хорошо стало, что я даже прослезилась от счастья.

Я побежала домой, взяла всё, что нужно для пирогов, вернулась в дядин дом и испекла два пирога с грибами и картошкой да с ягодами. Оба разрежала на две части. Две половинки ведьме отнесла, а две — для своей семьи оставила. И вот от тех, что для моей семьи, я отрезала два маленьких кусочка для барабашки и положила ему в закуток на тарелочке.

Дом мы сыну нашему отдали — у него как раз невеста появилась. Они сыграли свадьбу уже в нём.

А к ведьме я ещё своего мужа послала, чтоб он в её доме дверь новую поставил да колодец в порядок привёл, а то знаю: у неё с этим плохо было.

Альба попрощалась с женщиной и пошла дальше. Третьей рассказчицей была девушка.

— У меня болела грудь. Вы не думайте, я и болиголов, и перечный горец, и сабельник, и аир болотный пила. К трём знахаркам ходила, все их наставления выполняла. Но грудь всё донимала. Отчаялась я и пошла к ведьме. Так и так, говорю, ничего не помогает.

А она молчаливая со всеми обычно мне давай вопросы задавать. Да все о жизни, да о счастье, да о личном. Я опешила вначале и сказала, что всё хорошо. Она смотрит, замолчала. И тут я как разревусь...

Не было мне счастья, если по правде. Все девки моего возраста замуж повыходили, детей нарожали. А меня страх брал. Не хотела я, по-честному, ни замуж, ни ребёнка рожать. Хоть кавалеров аж трое было, и все хорошие. Но я, как представляю, что всю жизнь хоть с кем из них провести, — так и рвёт меня на части.

Она выслушала и говорит: «Так ведь ничего страшного же, если замуж совсем не выходить. И детей не рожать. Жить же и так можно».

А я опять реветь: «Так бы и сделала, да только не нужная я какая-то стану для деревни, бесполезная, лишняя. Да ещё и чудная. Отвернётся от меня народ, и я в одиночестве сама не сдюжу и помру».

«Не бойся, — говорит, — ты сильнее, чем о себе думаешь. На меня посмотри — справляюсь и не отворачивается эта деревня даже от меня. А быть полезной ведь по-всякому можно. Не обязательно по шаблону. Что ты умеешь лучше всего и что нравится тебе делать?»

«С детворой я хорошо лажу. Умею их завлечь, рассмешить, утешить. А нравится мне считать. Дедушка меня научил, и так хорошо у меня получалось. Я бы так хотела получше изучить математику. Это что-то из разряда мечты».

«Вот этим и занимайся», — сказала она и помахала мне, чтоб я от её дома шла. Мол, разговор закончен.

Я вначале ошарашенная была. А потом день-два прошли. И меня осенило. Собрала я знакомую детвору и стала им про математику рассказывать. Примеры лёгкие показывать да на медведях и птичках объяснять. Смотрю, схватывают. Они дома хвастаться начали. В итоге пришли ко мне родители и говорят: «Научи наших детей математике». А я им говорю: «Научу, но вначале отпустите меня на полгода в город, чтобы я свои знания улучшила, и тогда ваши дети будут больше знать».

Они отпустили. И кавалеры отпустили. И родные. Я поехала в город к нашим родственникам, жила у них и по дому помогала, а шесть часов в день в школу ходила. И математика

там была, и письмо, и ботаника, и химия, и физика, и книжки читать надо было. Я лихо всё схватывала. Учителя меня хвалили. Писать не особо получается до сих пор — ошибок много делаю. Но вот математика на «отлично». Да ещё и к физике я способная оказалась, и к химии. Мне очень всё понравилось.

Вернулась я не одна, со мной дочка родных увязалась. Я взяла её: ведь она очень хорошо писала и буквы так красиво выводила. И устроили мы с ней занятия для детей в нашей деревне: я вела математику, химию, физику, она — чтение и письмо. В деревне очень обрадовались. Избушку нам просторную сколотили с печкой. Так и открылась наша школа. Вот уже несколько месяцев успешно преподаём.

Но чувствую, я моих знаний не хватает: думаю, год отработать, а потом ещё на полгода в город уехать — доучиваться. Так и буду делать, пока не пойму, что я стала хорошим учителем. И сестра моя троюродная так же считает. Она стала мне хорошей напарницей.

А недавно парень один из города написал. Спрашивает, не нужен ли нам тут ботаник и географ. Я посмеялась и написала: «А чего — приезжай». Он через две недели придет. Он, как и я, хорошо учился, мы с ним вместе в школу ходили. И, пожалуй, это единственный человек на земле, которого я представляю своей парой, и меня не трясёт.

Как поняла я всё это, так сказала родителям детворы, чтобы пошли и ведьме поклон сделали, ведь она это всё запустила.

Видела: ходят, носят ей соленья, вяленое мясо, кур, посуду глиняную, ложки деревянные, полотенца, платок, фартук. А мужики дров нам в школу на всю зиму запасли и ведьме тоже.

Я и сама к ней приходила поблагодарить. Из города ей три книги привезла — все свои сбережения на это потратила. Я не знала, умеет ли она читать, но показалось, что надо принести что-то самое дорогое, что я способна добыть, и принесла: все три истории художественные, вымысел. Но оторваться невозможно, хочется перечитывать и перечитывать.

И представляете — ей понравилось. Она с трепетом взяла книги. И недавно, когда я ходила в лес для уроков кое-чего собрать, вижу, она сидит в тени дерева и книжку мою читает.

Второй раз я ей из города расчёску-щётку привезла и зеркальце, чтоб причёсываться: у неё волосы длинные густые, гребнем замучаешься их в порядок приводить. Она и им рада была. Улыбнулась мне, обняла, сказала, что надо гордиться тем, чего я добилась. К нам ведь теперь ребятишки и из соседних деревень приезжают.

— А грудь? — спросила Альба.

— Ой, грудь прошла! Я даже не запомнила, в какой день. Просто как-то поняла, что давно не чувствую не то что боли, а даже дискомфорта.

Когда стемнело, журналистка смогла уединиться в комнатке. Свечка медленно таяла с краю, роняя тяжёлые капли в листообразный подсвечник с ручкой. Рядом испускал аромат горячий напиток, с заботой сваренный бабушкой, и пара кусочков бисквита, аккуратно лежавших на тканевой салфетке, так же грели душу. А Альба писала.

На следующий день ей предстояло обойти пять домов. Она встала с петухами, умылась. Позавтракала творогом с вареньем и горячей лепёшкой и направилась к многодетному семейству.

Куча детишек бегала по двору, сосчитать их не удавалось в силу их быстрого и хаотичного перемещения. К тому же эту задачу усложняли три козы, бегающие вперемешку с детворой. На козах периодически оказывались то чья-то шапка, то безрукавка, то платок. И похоже, и детям, и козам это переодевание одинаково нравилось.

Альба отыскиала мать семейства и начала свои расспросы. Женщина, иногда отвлекаясь, чтобы прикрикнуть на козу или ребёнка, отобрать у них какой-нибудь предмет быта, кого-то где-то закрыть или, наоборот, вызволить застрявшего, поведала такую историю:

— Случилась однажды беда с соседкой. Она одинокая: муж погиб. Сынишка у неё только четырёхлетний был, и всё. Так и жили они вдвоём. А тут смотрю я, соседка пропала куда-то,

не видно. Дай, думаю, зайду, проверю. А осень поздняя была. Захожу — дом выстужен, тихо. Соседки нет. Сынишка её только сидит тихо к холодной печке прижимается.

«Где твоя мама?» — спрашиваю я у него. А он и говорит, что поехала в дальнюю деревню какие-то их вещи продать, чтоб денег немного выручить и провизии на зиму купить. А то совсем худо у них было с едой, а впереди холода. Обещала вернуться через день, но нет её уже дольше.

Я прикинула, как давно не вижу соседку, и поняла, что нет той уже три дня. Порылась в доме — действительно, ни еды, ни дров. Как же худо-то у них всё в хозяйстве, а я и не знала. Соседка никогда ничего не просила ни у кого. Всегда улыбнётся, дня хорошего пожелает.

Побежала я к себе домой — картофелину варёную прихватила и яблоко и дала мальчонке. Больше у меня у самой не было. Мой муж в то время тоже на заработки уехал. А у меня дома своих пять детишек, и еды, и дров в обрез. Сама уже недоедала, всё детям отдавала.

Так и прибежала ещё три дня к мальчонке: то морковку отварную принесу, то кусочек лепёшки, то орехов горсть. Он вяло ел. Всё плакал и замотанный в одеяло сидел у холодной печки. А матери его всё нет и нет. А давеча я ещё слышала: разбойники много народу поубивали на дороге, что разделяла нашу деревню и ту, в которую его мать ушла. Поди, и её зашибли. Что с мальчиком-то делать — погибнет он без матери...

Побежала я к ведьме. Так и так, ей всё рассказала и про своих пять, и про этого без матери, поди, уже. Она, как услышала, что он к холодной печке жмётся — так на меня посмотрела, что я прям всё и сама поняла. Выскочила из её дома без дальнейших разговоров и бегом за мальчиком. Думаю, ну и дрянь я последняя — чуть ребялёнка не сгубила. Печка-то у меня есть, и её тепла всем хватит. Хотя это я ему дать могу! О чём только думала... Считала, что не моё это дело, что мне и так тяжело, а дитё чуть не убила.

Прибежала. Он глянул на меня с надеждой, но, увидев, что не мать, опять понурился. Я подхватила его прямо в одеяле и понесла к себе. Сил с голоду мало было, всё на поход к ведьме потратила. Но я дотатила и у печки тёплой посадила. Дала жидкого киселя. На всех разделила поровну. Он попил и уснул в тепле. А моя детвора притихла — понятно даже таким маленьким стало, что происходит. Поддержали они меня в решении. Как сказала я им, что его мама, наверно, умерла, так самый зажимистый мой четверть сухаря обмусоленного из кармана вытащил и мне протягивает, мол, возьми, мать, в общий котёл.

Ну, думаю, не пропадём мы. Я ещё не вдова. Мой муж с другой стороны, не там, где бандитово нашествие. Вернётся целенький, невредимый, ещё и денег привезёт, и провизии. Мне только бы месяц-другой продержаться.

Вышла я во двор отдышаться. И смотрю, ведьма идёт. И не так, как обычно быстро, и не пойми, откуда появляется, а как-то медленно и броско идёт, что вся округа ей вслед смотреть начинает. И не с пустыми руками, а несёт мешок большой сухарей, пять вязанок сухих грибов и корзину сухих ягод. Молча мне передаёт через забор.

«Заходи, — говорю я ей, — хоть на мальчика посмотри».

Она зашла. Смотрит, как тот спит, а мои в углу дерутся, но тихо стараются, только сопят шумно, и говорит: «У тебя дом богаче всех».

«Что!» — я так удивилась: у нас самый бедный домишко.

«Посмотри, у тебя же есть самое ценное, что в деревне производится».

«Что! — ещё больше удивилась я. — У нас ни живности, ни ремесла».

«Люди производятся, — говорит она. — Погляди, это же шесть человек. Лет через десять это будет шесть домов, шесть хозяйств, шесть семей».

Пока я рот разинула, ко мне стали подтягиваться соседи. Где это видано, чтобы ведьма людям еду носила, всё же наоборот в природе. И все спрашивают, что это происходит, что ведьма мне еду дала.

Я тут и говорю, мол, так-то и так-то: соседка плохой дорогой ушла и не вернулась, сынишка её один теперь, вот я к себе его и взяла. А мать, наверно, бандиты уже давно порешили. Похмурели соседи, разошлись. А потом то один заскочит, то второй. И всё что-то тащат. Смотрю, а у нас уже и зайцы настрелянные лежат, и сыра кусок, и корнеплодов целый ящик. А один сосед одну из своих коз привёл, у нас тогда своих ещё не было. И сена для неё дал на месяц и говорит, мол, вернёшь, как мужик твой приедет, а пока детей корми.

Ну, мы и сдюжили, конечно, с такой помощью-то. А там и муж мой вернулся — довольный: и провизию привёз, и трёх коз в придачу. Я ему нового ребёнка показываю — он оторопел вначале. А потом как давай шутить, что хороша жена: за четыре месяца и сына ему ещё одного родила, и выкормила до такого большого состояния. Юмор у него специфичный, конечно. Но принял, и хорошо.

Так на этом чудеса не закончились: ещё через пару недель вернулась соседка — мать мальчика. Тощая, вся в царапинах, но живая. Упала мне в ноги и благодарила в слезах. Потом сына обняла, и мы всей семьёй прослезились. Говорит: три месяца в лесу от разбойников пряталась, пробраться ни к нам, ни в какую другую деревню не могла — они ей всюду дорогу отрезали. Еле выжила: корешками да орехами питалась, и всё убивалась: думала, сынишка умер давно без неё, ведь он нелюдимый, на улицу без неё не вышел бы. Корила себя, что не предупредила никого, понадеялась только на себя. И всё молилась, чтобы я заметила, что её нет и зашла к сыну. И так счастлива, что я услышала её мольбу через расстояние.

Мы и её откормили. Помогли им зиму пережить. Весной вместе с ней дворы объединили и огород один большой развели. Теперь у меня не только шестой сын, так ещё и подруга надёжная есть: одно хозяйство двум взрослым женщинам легче вести, и с детьми мне легче теперь. Она всегда выручает.

Я одну козу, если честно, хотела ведьме отдать. Отвела к ней в избушку. Говорю, возьми, мол, за то, что спасла мою душу.

А она не взяла, сказала, что душа у меня всегда в порядке была, просто тело устало, что за такое она плату не берёт, ведь я и так добро дала в этот мир.

Знаю, что моя подруга — соседка тоже к ней ходила и какие-то последние свои пожитки жалкие ей отнесла, мол, за сына. А та опять не взяла, наоборот, дала ей свою тёплую безрукавку, сапоги и дикий мёд и велела поправляться, мол, очень рада, что она выжила.

И тогда мы с соседкой между собой друг дружке слово дали, что, как станет ведьма старой и немощной, мы её не оставим, к себе возьмём и будем тремя старухами доживать.

С толстым куском сыра на оторванной детскими руками горбушке Альба вышла от двух хозяек и направилась к следующему дому. Бутерброд был необычайно вкусным и заменил ей второй завтрак.

В новом дворе её ждали две хозяйки — подружки. Но эти не жили вместе, а просто как раз одна зашла другую навестить. Они с удовольствием поделились своими историями.

— Я встретила её в лесу, когда собирала хворост. Не искала с ней разговора, наоборот, не хотела, чтобы на меня кто-то смотрел. Она сама подошла и заговорила: «Что с тобой?» — спрашивает.

А как такое рассказать? Я и говорю: «Ничего, хворост собираю».

«Нет! — говорит. — Я чувствую. Ты можешь мне рассказать».

Ну что, я спорить, что ли, с ведьмой буду. Рассказала. Муж мой меня изводит своей любовью. Ему нужно долго и часто. Иногда я уже и с ног валюсь — а ему нужно. Иногда болит у меня живот — а ему нужно. Иногда найдёт меня во дворе, пока я в наклон или ещё в какой позе работу сложную делаю, так прям в том месте и оприходует. Бывало, и дети видят или соседи — ничего его не останавливает. И мало ему и этого стало: он теперь ещё выдумывает разные ухищрения. Да с этими ухищрениями ещё мучительней всё это становится, но он не

останавливается. А вчера я ребёнка нашего после сношения потеряла. Срок маленький был, но я уже знала, что его жду.

Сказала это и впервые заревела. Она обняла меня, и я ревела у неё на плече так долго, что у нас у обеих устали ноги.

Она меня к себе отвела. Напоила лечебным отваром, с собой дала травок, корешков, чтоб моё тело быстрее зажило. А потом велела домой идти и не бояться. А сама нож взяла, волосы все подобрала и пошла в деревню. Там мой муж с мужиками в одном из домов праздновал.

Говорят, она туда так бодро вошла, аж гулянье притихло. Ещё бы — разъярённая ведьма с ножом в дверях. Быстрыми тяжёлыми шагами к мужу подошла и как воткнёт нож в стол перед ним да с такой злостью и криком. Он побелел весь аж. Весь народ на него уставился. Никто тронуться с места не может — вдруг ведьма порешит.

А она стоит и смотрит на мужа испепеляюще. Он и начини бормотать: «Я не хотел её до выкидыша доводить! Люблю её сильно просто! Красавица она».

«Это не любовь! Называй вещи своими именами!» — закричала ведьма.

И как плюнет ему в грудь.

Все начали что-то понимать и так на моего мужа уставились, что бежал он из деревни, прямо оттуда без вещей и сбежал.

Деревня меня разведённой признала. Вначале дали мне покоя несколько месяцев, а потом пошли женихи свататься. Никого не смутило наличие у меня двух ребятешек. Ну, я одного выбрала. Долго присматривалась, и не прогадала: добрый у меня нынче муж. А про бывшего недавно слышала, что он мотается по деревням без достойного дела, без денег, без семьи. Я не думаю, что ведьма его прокляла. Думаю, он не может пережить то, как на него во время застолья люди смотрели.

Так закончила историю первая подруга. Альба глянула на вторую, чтобы услышать и её историю.

— А я насмотрелась, как ведьма с мужиком подруги разобралась. Дай, думаю, про своего расскажу, авось и на него управа найдётся. Пошла и отыскала её в лесу. Хожу за ней, вещаю о своей жизни. Она как глянет на меня. Тут-то я и поняла, что хороший у меня муж. Рот прикрыла и домой пошла. Пирогов напекла, чтобы как-то перед мужем вину загладить. Он приходит, видит всё это и говорит: «Что, к ведьме, что ли, ходила жаловаться, что я тебе вчера посреди ночи за солёными огурцами в погреб не полез?»

Альба, весело улыбаясь от последней истории, зашагала к следующему дому. Её встретил мужчина средних лет. Задала она ему стандартный вопрос: «Взаимодействовал ли он с ведьмой и чем это закончилось?»

— Просьбы к ведьме у меня никакой не было. Но так-то проблема была. Семью у меня создать не получалось. В то время как у моих ровесников уже по двое детей. На тот момент у меня даже была на примете женщина, которая была не против попытать счастье в совместном браке. Но чувствовал я себя рядом с ней плохо. Думаю, в этом и причина моих неудач. Ещё бы месяц назад спроси меня, в чём дело, я бы молчал или списал всё на судьбу. Но сейчас мне нестрашно признать: я слишком хорошо чувствую людей, их эмоции, даже порой отдельные мысли. Это не сверхспособности, нет, просто такой тонкий уровень восприятия. И честно признать — это наподобие проклятия.

Вот и невеста моя — всем хороша была. Красивая, здоровая, дала согласие, имущество кое-какое есть. Да другой бы мужик женился и не парился, детей бы нарожали, хозяйство развели. Но меня ломало страшно. Я чувствовал себя рядом с ней старым, толстым, никуда не годным. При том, что я отличный плотник, ко мне вся деревня обращается, и дом сам построил, и хозяйство своё сам веду вот уже лет десять.

В общем, стоял я как раз на распутье: опять отказаться от брака и сохранить ценное самоощущение или же создать, наконец, семью, закрывшись в панцирь от своих чувств, и стать нормальным для окружающих.

Шёл я с такими думами по лесу, и тут она — ведьма. Мы первый раз вблизи друг друга видели, ну, так чтобы глазами встретиться. Глянули друг на друга. И я понял, что понравился ей. И тут чувствую: ощущение моё о себе резко меняется. Вспомнил вдруг, что и плечи у меня широкие и руки сильные. Аж выпрямиться захотелось, грудь расправить. Мне, конечно, это польстило. Но жалко её, ведьму, стало, ведь у меня невеста и великая дума.

А понял я, что попал, когда осознал, что стою и тарашусь на змеедушник. Я видел, что ведьма искала именно его, когда мы встретились, и собрала мало. Чувствовал, что ей нужно было ещё. Она стояла грустная, напряжённая и серьёзная до того, как увидела меня.

И тут я начал голыми руками копать этот корнеплод. А потом второй, третий. И когда собрал восемь, пошёл к ней.

Иду и думаю: ну не дурак ли?!

Я же вообще не в курсе, как его правильно добывать. Ну, на какую луну там, сколько прихлопнуть раз при этом, сколько притопнуть, можно ли держать на солнце. А тащу ей.

Но, когда она открыла дверь и увидела меня, вымазанного землёй со змеедушником в руках, по глазам понял, что она ожидала моего прихода.

А змеедушник — не помню, обрадовалась она ему или нет. Но эта была лучшая прогулка по лесу из всех, которые у меня были.

Как вы уже, наверное, догадались, на своей невесте я не женился. А потом несколько людей сказали мне, что и правильно, ведь она про меня нелестно отзывалась прямо тогда, когда «да» мне говорила.

Хотел бы я жениться на ведьме, но пока что-то страшно даже ей это предлагать. Может, потом, когда она немного одомашнится. А то пока это, как на волчице жениться. Я всё думал: вот нет у неё хозяйства — бедная. Но потом глянул, как она живёт — весь лес её хозяйство.

Так и живём пока. Она в лесу, я у себя. А как соскучимся друг по другу сигналы шлём. Неосязаемые. Не знаю, как она мои сигналы улавливает, но всегда приходит. Я её сигналы вот как чувствую — жуть как змеедушник искать хочется.

Альба вышла со двора, размышляя, каков на вкус этот змеедушник, и только через несколько шагов поняла, что у неё остался последний дом в списке.

Она невольно помедлила, перед тем как ступить в новый двор. Хозяин увидел её первым и уже шёл навстречу со словами:

— Ну что же вы, входите. Я ждал вас.

Новости быстро по деревне разлетаются, и ему уже успели доложить, кто такая Альба, что она делает в деревне, у кого была и куда пойдёт. Так что рассказчик уже вовсю подготовился.

— Да, пришли её сжигать эти умники из города. Все в сияющих латах, с оружием. Человек десять. На одну женщину.

Странная она, это правда. Взбаламутила всю деревню — верно. Кое-кому жизнь испортила, так разве он сам не заслужил? Сжигать за такое нечестно.

Да, сильная. Мож, и не знаем мы ведьм, и опасна она, как эти городские говорят. Мож, не наше, обычных людей это дело — жизнь такого мистического существа. Если честно, жутко и вправду иногда от её вселенского правосудия. Мож, и спокойней без него обычным людям. Но не так же радикально это решать.

Да к тому же думаю: сожгут её, так всем, кто к этому причастен, воздастся однозначно. Это же десять человек пострадает, десять семей разрушится. Есть силы, которые рука об руку с ней стоят. Выше наших человеческих.

Пришёл на площадь. Там уже вся деревня. И смотрю я на лица людей, а они не глазеть пришли, а спасать. Как они собираются это делать против мечей и лат?

А ведьма-то уже стоит, к столбу привязанная, грустная, серьёзная. Уязвимая. Меня даже протрясло от этого осознания. И я понял, почему люди с такими лицами стоят. Но никто не решился первым заговорить.

Что ж такое, думаю! Говорить-то надо начинать. Вон уже дрова укладывают у её ног.

Подожёл к городским и сказал свою мысль, что им воздастся за её смерть, что они, как наш Агепедо, по миру пойдут, семьи потеряют. Подозреваю, что Агепедо их сюда и позвал, нашим бы на ум не пришло о ней доносить.

Эрмандада немного замешкалась, но потом, как заученное, давай что-то вещать про то, что любое колдовство должно быть наказано.

А я стаю и понимаю: не колдует она! Она просто видит, где честно, где нет, где плохо, где хорошо, и транслирует это Вселенской силе. А Вселенская сила верит ей. И всё так устраивает после её подсказок, чтобы стало правильно и честно. Не ведьма она, а глаз Вселенский.

И если я сейчас с площади уйду и дам её сжечь — это неправильно будет. И мне тоже воздастся от Вселенной и всей нашей деревне, что добро приняла, а добру не помогла.

Ну я и озвучил это на всю площадь.

Городские стали серьёзней: «Запугала она вас. Дайте избавить мир от скверны».

«Нет!» — говорим мы всей деревней и смотрим уверенно, даже без лат.

Озадачились городские, засомневались, потом совсем свои пожитки взяли и уехали прямо сразу с площади в дальнюю дорогу. Ни провизии у нас не попросили, ни разговоров больше не вели. Молча ведьму отвязали и дрова пнули.

Ведьма босая, плохо одетая трясётся. Я на неё свою безрукавку овчинную накинул. Она вышла на пару шагов вперёд, всей деревне поклонилась кротко в знак благодарности и в лес шмыгнула.

И у меня хорошо на душе так стало. Как будто я сам теперь могу чувствовать, что правильно, что нет, что честно, что нет.

А через несколько дней мы с женой узнали, что ребёнка ждём. Первого за двенадцать лет. Мы уже и не надеялись.

А потом как-то все в деревне стали со мной советоваться, уважительно кивать, а на прошлом собрании старшиной избрали, наш прежний недавно отошёл в мир иной.

Опять весь вечер под свечой записывала Альба услышанное. А утром в дорогу надо было выдвигаться. Альба старалась всё успеть.

Проснулась она рано, не спалось ей и до отъезда осталось около часа. Поняла, что не может сидеть в доме, что должна увидеть ведьму сама. Поэтому она поднялась и заторопилась в лес.

Альба толком не знала, где избушка ведьмы, знала только, что легко найти.

Не пришлось гадать, ведьма сама вышла.

Высокая, лохматая, примерно того же возраста, что и Альба, она спокойно подошла на расстояние двух шагов.

Альба не знала, что сказать, но чувствовала ярко. Ей хотелось выразить удивление и восхищение, хотелось сказать, что она расскажет всей стране эту историю и надеется так защитить других ведьм.

Ведьма смотрела и словно читала по глазам. И тогда Альба перестала волноваться и пытаться облечь в слова всё желаемое. Она транслировала свои чувства и мысли другой женщине, пока те не иссякли. И тогда она захотела услышать от ведьмы хоть что-то в ответ, что та чувствует и думает.

И ведьма ответила — в уголках её глаз сложились морщинки от улыбки, она кивнула Альбе, как равной. И пошла в свой лес.

Альба ехала домой, а на душе было хорошо и спокойно, как будто огромное дело сделано. И всё вспоминала этот кивок. Он грел душу и отвечал на все её искания и вопросы. А ещё вспомнились слова бабушки в последний вечер перед отъездом, когда они говорили о ведьме: — Это не она к нам прибилась. Это мы ей достались под присмотр.

Ноябрь 2024

Бер — значит медведь

На огороде крайней к лесу избушки развели костёр для ребятни. Притащили им пеньков и брёвен, чтобы сидеть, нарезанного хлеба и сала, чтобы на палках подрумянивать на огне. И узвара вскипятили целый чан, да каждому выдали по железной плошке. Дети разные собрались со всей деревни от четырёх до шестнадцати лет. Старшие присматривали за младшими. И все безостановочно болтали, так, что первый час их посиделок звучал, как хор сотен цикад.

Взрослые обосновались метров за сто от них, у своих костров и столов, чтобы поговорить о своём без детских ушей. И если бы они были и внимательнее, то заметили бы, что детский разговор начал звучать по-другому. Основная масса затихла, и слышен был лишь один голос. Он принадлежал одиннадцатилетней сироте, которую пару недель назад в деревню привёл мужчина и оставил на попечение одной из матерей за ежемесячную оплату. Ведь негоже маленькой девочке странствовать по округе со взрослым мужчиной, хоть он и был другом её семьи. Девочке лучше возле женщины расти, среди других деток, учиться хозяйство вести, за скотиной ухаживать, шить.

Сироту охотно взяли: плата за её содержание была хорошая. Да и девочка была умненькая — всё на лету схватывала. Только скотина от неё шарахалась поначалу: пахло от неё странно — псиной какой-то. Но потом сиротку помыли и животные стали лучше её принимать, покуда она не начинала смотреть на них пристально, тогда они на забор кидались или убегали стремглав. Поэтому решили, что девочке лучше рукодельничать.

С Бертритой, так её звали, бережно обращались, все ждали, когда она горевать начнёт. Недели две она держалась молодцом, а потом ну так затосковала. И не плачет ведь, а истории странные рассказывает.

Вот и сейчас у костра, пока не было взрослых рядом, и можно было не сдерживать себя, полились её речи. А ребятня-то и рада — когда ещё такое услышишь.

— Не сирота я. Живы мои родители. Просто нельзя им тут со мной жить. Они не люди.

— Кто же они? — полушёпотом спросили слушатели.

— Обратни.

— Да ты брешешь! — восхищённо выдал кто-то из толпы.

— Зачем мне это? Конечно, обратни. Да ещё из разных кланов!

— Из разных? — удивлённо зашептали ребята, настраиваясь на историю.

— Ага. Папа у меня из клана медвежьих обратней. Его род уходит корнями далеко к тем временам, когда медведи захотели поговорить с людьми о том, как они будут лес делить. И для этого некоторым медведям пришлось ненадолго научиться принимать вид человеческий. Но разговоры затянулись, и поэтому медведи, умеющие превращаться в человека, основали свой клан и своё поселение. Люди могли приходить к ним и передавать послания медведям, а обратни могли приходить к людям и передавать послания им. А ещё они обменивались опытом и знаниями. Медвежьи обратни были вроде границы между лесом и людьми, которая вначале объединяла их. Но потом у людей между собой начались войны, они теряли дома, близких и стали черствее, злее. Им больше не хотелось общаться с лесом, им понадобилось лесом владеть. Медведи стали сторониться людей, перестали их уважать, у них отпала потребность общаться с теми. Клан медвежьих обратней превратился в границу, которая защищает одних от других. А потом и сам уединился глубоко в лесу, потому что люди стали опасны и для обратней: их называли нечистой силой, ловили, уничтожали.

— Почему они не стали медведями, как раньше?

— О-о-о... Они специально остались. Потому что, имея иногда человеческое тело, лучше понимаешь человека, его мысли и потребности, а ещё можешь пойти в их деревню и услышать, какие планы у деревни на лес и на зверей. Они остались, чтобы слушать людей изнутри, чтобы

предупреждать лес и медведей о том, что грядёт. Их задача уже много сотен лет — быть защитниками природы... Так вот, мой отец не просто один из медвежьих оборотней — он их вожак.

— Вожак! — восхищённо загудела толпа.

— Да. Его зовут Серебряный ветер. Так назвали потому, что, когда он родился, сыпал мелкий, как пыль, снег и дул ветер, и эти маленькие песчинки льда превратились в метель и так отсвечивали ярко на солнце, что казалось, будто ветер серебряный.

— О-о-о! — поддерживала рассказчицу ребятня.

— Да. У моего папы есть и второе — человеческое имя — Бертрам. Он пользовался им, когда жил среди людей и обучался у них кузнечному делу.

— Зачем обучался? В нашей деревне? А как же клан без вожака жил? — посыпались вопросы.

— Нет, в другой деревне, той, что к западу отсюда. Обучался ещё молодым, когда мой дед правил кланом. А отца послали среди людей побывать, чтобы знать, с чем потом всю жизнь иметь дело. Да и мастерству обучиться, ведь наша деревня очень похожа на человеческую, только больше сплетается с природой. Но у нас есть и жилища, и оружие, и посуда, и колодец. Наша деревня расположена на земле и под землёй. Там, в глубине леса, — девочка махнула рукой в сторону темноты, — существует сеть подземных комнат и коридоров, в которых мы живём и храним припасы. Некоторые коридоры подходят прямо к берлогам медведей, и мы пользуемся ими для выхода наружу, а они частенько залезают к нам и дрыхнут в наших кладовых. А снаружи на ветвях трёхсотлетних сосен располагаются наши смотровые вышки, так же оснащённые плетёными лежанками и небольшими кладовочками. А некоторые жилища находятся в зарослях колючих кустарников, куда без толстой медвежьей шкуры и не пройдёшь. И всё это переплетено и соединено.

— Бертрита, и что же, ты там родилась и до сих пор жила? — спросил один из взрослых мальчиков.

— Да, — ответила девочка и запнулась.

Несколько секунд длилась пауза, в ходе которой те, кто сидел поближе к девочке, видели, как на её лице воодушевление сменилось горем, горе — злостью. А злость, вспыхнув, ушла в недра её сознания, Бертрита через силу улыбнулась и продолжила:

— Почти всё время. В том году мои родители отводили меня в другую деревню, хотели, чтобы я прижилась у людей. То, что я у вас, — это моя вторая попытка. Тогда я маленькая была и не выдержала — пришлось им меня забрать.

— А тебя зачем к нам направили? Ты тоже разведчик? Или ремесло какое изучаешь? А ты потом станешь вождём или тебя выдадут за самого лучшего воина замуж и тогда он станет вождём?

— Нет...

Бертрита опять запнулась, из её левого глаза потекли слёзы, она быстро смахнула их и закашлялась. Ей подали узвара. Она выпила, шумно выдохнула, собралась с силами и продолжила:

— Меня сюда навсегда отдали. Я не стану вождём. И я могу выучиться всему, что угодно, и разузнать всё, что угодно, но это останется тут, со мной, в вашей деревне. Помните, я говорила, что мои родители из разных кланов. Так вот, мама — из клана волков. Так получается, что, когда два оборотня из разных кланов женятся, их дети не могут быть оборотнями. Их волчья и медвежья половины настолько разные, что, либо вообще детей не рождается, либо рождаются простые люди. То есть соединяются те части двух волшебных существ, которые похожи. Я человек. Пресовсем. И я не смогу родить оборотней ни от лучшего воина, ни от медведя. Мой удел — человеческая жизнь, человеческие дети. Поэтому я здесь.

— От тебя избавились? — спросил одиннадцатилетний мальчишка.

Тут злость Бертриты выплеснулась наружу, и она накинулась на бесцеремонного пацанёнка. Они катались по земле и брыкались, мальчишка визжал, Бертрита кусалась, покуда более взрослые ребята не растащили их.

— С ума сошёл — так говорить! — рывкнул Савва, четырнадцатилетний парень на зачинщика свары.

— Нет. Мои родители нежно любят меня, — продолжила Бертрита, потирая ободранные локти и коленки, усаживаясь на место, как будто ничего и не произошло: — Но они желают мне счастья. Они знают, что, когда я вырасту, мне будет очень одиноко в логове оборотней и я стану слишком странной, инаковатой для людей к шестнадцати годам: настолько отпечаток жизни с оборотнями останется в моей душе, что люди уже не примут меня. А назовут чудной. Мои родители хотят, чтобы у меня появилась пара, семья, дети. Люди дольше живут, чем оборотни, и я, скорее всего, переживу своих племянников оборотней. Это будет очень тяжело. Мне надо создать своё логово тут, с вами, найти свою стаю здесь.

И она горько заплакала.

Савва подошёл к Бертрите, обнял её, покачивая из стороны в сторону. Она через минуту успокоилась.

— Расскажи о своей маме, о её клане, — попросил он и сел обратно на своё место.

Бертрита утёрлась тыльной стороной ладони. Взяла кусочек хлеба, пожевала, проглотила и продолжила:

— Моя мама не знает своего клана. Она никогда никого из волчьих оборотней не видела. И вообще, очень удивилась, что она наполовину волк. Мама росла в человеческой деревне с младенчества. Знала только, что её нашли на дороге. Она лежала там и верещала, завёрнутая в овечью шкуру.

Бертрита хихикнула, хорошее настроение к ней возвращалось:

— В овечью шкуру, понимаете, мою-то маму!

Она расхохоталась. Ребята тоже улыбались, кто-то даже подхватил смех.

— Просто она лютая волчица. Сама может лося завалить. Может не есть и бежать пять ночей подряд. Но давайте по порядку... Вначале она была чисто человеческим младенцем. Ни разу ни волчьих зубов, ни лап у неё не появилось. Жила себе, не тужила. И деревня вместе с ней. Она красивая очень: волосы, как солома, светлые, глаза голубые, почти белые у зрачка, как лёд. Стройная. Здоровая. Выносливая. Была самой завидной невестой в шестнадцать лет. Но один парень, которому она несколько раз отказала стать его женой, подкараулил её в деннике и накинулся, хотел силой её добиться. Тут-то и всколыхнулась волчья кровь. Её прекрасное лицо в мгновение ока выпустило из себя волчью пасть, она впиалась от всей души в голову напавшего. Волчий поцелуй — так мой папа это называет.

Бертрита опять закатилась смехом. В то время как другие ребята наоборот оцепенели.

— Когда у моей мамы появляется волчье лицо, мой папа сразу в медведя перекидывается. С медведем моя мама ничего сделать не может и спокойно выпускает из себя всё звериное, что в ней есть.

Ребята улыбнулись.

— Ну, так вот, откусила она лицо обидчику, и сама не на шутку испугалась. Вылетела из денника и давай прочь из деревни бежать. В лес. Бежит, а сама думает: «Зачем? Почему?» А ноги её туда сами несут, как знают, что делать.

Она остановилась в начале леса дух перевести и вдруг слышит: в деревне призыв — на волка людей собирают. И тут мама поняла: деревня на неё охоту открывает. Она сразу дальше рванула. Да человеческими ногами не сильно далеко убежала, её быстро на лошадях догнали. Тот, кто первый до неё доскакал, полоснул её кнутом по лицу, когда она обернулась. Это был её приёмный брат. И такая обида от несправедливости её взяла, что она вскинула голову и завывала из самого нутра. И на её зов откликнулись волки. Они подали ответные сигналы из разных

точек леса и двинулись к ней. А она из воя перешла на рык, и её маленький нос и подбородок опять трансформировались в волчью пасть, и всё тело превратилось в волчье.

Брат и ещё несколько всадников, которые увидели это, застыли на месте от ужаса. Но сзади подходила оставшаяся толпа. Она наступала на пятки всадникам, что-то выкрикивала, и в маму полетели вилы. Она увернулась и нырнула в лес. Люди было ломанулись за ней. Но бежать по лесу тяжело толпой, деревья их разделили. Глаза перестали различать фигуру убегающего зверя. И тут с боков их стали валить волки. Люди очумели от страха, сбились в кучу. Волки затаились в темноте. И тогда толпа взяла себя в руки: «Чёрт с ней! Пусть только вернётся!» И поторопилась обратно в деревню.

Волки больше никого не тронули, какое-то время они бежали рядом с мамой, рассматривая её. Потом что-то ей сказали на своём, волчьем. Вроде что-то про её стаю. Но мама была так потрясена, что ничего не отвечала им, а только бежала. Волки стали мысленно переговариваться между собой, и мама всё понимала: «Она одинока... Она боится нас... Давайте оставим себе? Нет, она слишком напугана... Мы для неё чудовища... Наши мысли пугают её... Она только познала свою природу? Такое может быть? Она пахнет как человек... Она думает как человек... Она же звала нас... Она ранена... Она инстинктивно... Рана не страшная... Мы должны оставить её... Она должна найти свой путь». Потом они обратились все разом к маме: «Мы придём, если ты нас позовёшь, а пока мы тебя оставляем». И ушли, растворившись в лесу. Мама бежала что было сил в глубь, пока её лапы не подкосились от усталости, и она не упала на свежее выпавший снег. Коснувшись земли, она лежала и скулила, пока не потеряла сознание. И когда отключилась, её тело вновь приняло человеческий вид.

Так и нашли её мой папа и его старшая сестра Мягкий дым. Они делали обход в обличье медведей. А тут на белом снегу, залитом кровью, лежит голая девушка. Далеко-далеко от человеческих поселений.

«Эт ещё что за чёрт!» — выругалась моя тётя. А папа просто как вкопанный стоял и нюхал воздух.

«Она... она...» — заикаясь, начал говорить он.

«Волк?» — закончила тётя.

«Не может быть!» — восхитились они оба.

«Берём её с собой!» — воодушевился папа.

«Э, не-не-не... — запротестовала тётя. — Пусть тут лежит. Придёт в себя и уберётся, откудова пришла».

«Она без сознания! Рехнулась! В виде человека! Щас замёрзнет. Кто знает, сколько она тут уже лежит. Давай повали её на мою спину», — не сдавался папа.

«Нам влетит. Помнишь, ты уже приносил раненого человека к нам в логово. И чем это кончилось? Его до сих пор люди сумасшедшим считают. А он уже два года ходит по лесам, пытается найти нас».

«До человеческого жилья было слишком далеко, он бы не выжил. А так вон, как бык, уже тысячи километров на своих двоих намотал. Грузи девчонку мне на спину, говорю».

«Ладно. Есть надежда, что с ней такого не будет, она ведь типа нас. Отправим потом в её клан. Заодно познакомимся, а то о них уже лет сто ничего не слышно».

Как же все растерялись, когда выяснилось, что мама ничего ни про свой клан не знает, ни про оборотней вообще. Но встреча хоть с какими-то похожими созданиями в виде клана медвежьих оборотней оказалась для неё жизненно необходимой поддержкой. Мой дед тогда был ещё вожаком, и он рассказал своему клану всё, что знает о других. Информации было негусто. Множество животных пыталось найти с людьми общий язык и создало своих оборотней. Но быстро от этого отказались. Долгое время держались птицы, рыбы, бабочки, олени и деревья. Но потом и их оборотни вымерли. До наших дней продержались всего три клана: медвежий, лисий и волчий. На своём веку дед никого, кроме моей мамы, из другого клана не встречал.

Но знал, что лисы обитают очень далеко, а волки в соседнем лесу жили. Пока на них не была открыта страшная охота. И теперь он боится, что их совсем единицы остались.

Тогда моя тётя, она очень умная, предложила маме:

«А ты спроси у волков. Они всюду рыщут, из леса в лес перебегают — может, они кого найдут или что слышали. Мы с ними говорить не можем, вот и не знаем ничего. Но ты-то можешь».

«Я боюсь выть — опять со всего леса сбегутся. Как мне позвать немногих, только ближних? Не хочу остальных беспокоить».

«Вой не так отчаянно, как в тот раз. Вот с этими осторожными мыслями, что ты мне сказала, и вой. Они разберут эмоцию».

Мама провыла. Пришло три волка.

«Что ты хотела? Ты уже не так напугана. Рады тебя видеть. Это клан медвежьих оборотней? Тебя тут не обижают, видим. Учат тебя. Мы рады».

Мама обомлела от потока их сознания, глянула на мою тётю. Та подбодрила её:

«Мысленно им говори. Они тебя слышат. Мы — нет, кстати. Может пригодиться в будущем. Ха-ха!»

Тётя у меня классная!

И мама заговорила:

«Я рада, что вы не все пришли. Боялась вас беспокоить. Простите. Я хотела узнать про таких, как я. Вы таких видели? Где их можно найти? К людям мне не вернуться».

«Она все ещё мыслит как человек. Она и будет так мыслить, она же наполовину всё-таки человек», — вначале волки обменялись эмоциями между собой, но мама это слышала. А потом ответили ей:

«В этом лесу никого нет. В соседнем жил клан. Но шестнадцать лет назад их всех истребили, а вместе с ними и большую часть обычных волков. Твоя мать была последняя, кто выжил, волки и клан её очень защищали, так как она на тот момент была беременна тобой. Но и её сильно ранили. Она еле смогла спрятаться и доносить тебя пару недель. Потом родила. Но поняла, что жить ей осталось недолго. Она подкинула тебя людям и, убедившись, что те приняли тебя, уползла глубоко в лес, там и издохла. На нашей материке волчьих оборотней больше нет. Но мы верим, что они сохранились на другой земле. Мы знали, что ты существуешь, но не знали, кто ты, пока не объявилась сама. Поэтому зови нас всегда, когда мы нужны. Мы уже давно твоя стая, но ты об этом просто не знала. Если хочешь, вообще, можешь жить с нами в обличье волка. А если считаешь нужным, мы найдём того, кто станет оборотнем, чтобы вместе с тобой продолжить твой клан».

И они убежали, оставив маму в раздумьях.

— Как это мама её оставила людям — ведь это опасно! Вдруг она бы в волчонка превратилась на глазах у людей. Её бы прям маленькую и зарубили бы! Лучше бы она оставила её волкам! — сокрушалась девочка восьми лет.

— У детёнышей оборотней есть защитный рефлекс. Если рядом с ними появляется человек, они принимают человеческий вид и держат его, пока люди не исчезнут с глаз. Когда же рядом с оборотнем звери или другие оборотни, они расслаблены и могут менять вид в зависимости от настроения. Волки намучились бы с детёнышем оборотня, когда тот принимал бы облик человеческого младенца.

Послышалось благоговейное: «О-о-о!»

Бертрита продолжила:

— Со временем моя мама поняла, что не хочет жить волком в лесу. Она слишком привыкла быть в человеческом теле. И заставлять какого-то волка становиться оборотнем, чтобы продолжить клан, ей было не по душе: вдруг они друг другу не понравятся. Да и слишком опасно быть волчьим оборотнем в наше время. А если дети родятся — особенно за них

страшно. Пусть лучше волчьи оборотни исчезнут до тех времён, покуда они снова не понадобятся. Перебираться на другой материк тоже ей не хотелось. Она любила этот лес, эту землю. Была глубоко привязана к ней. Она попросила разрешения остаться жить у медвежьих оборотней. И мой дед разрешил ей.

Мои родители очень сдружились, вначале они и не думали ни о каком браке. Мама собиралась прожить жизнь без пары, а папа готовился занять пост вождя и подыскивал жену, которая продолжила бы его род. Но они так сильно привязались друг к другу, что и дня не проходило, чтобы они не встретились поговорить. Мама рассказывала ему о своих успехах в знакомстве с дикой жизнью, а папа ей свои чаяния относительно будущего поста. Он уже многое делал для клана, немало нового привнёс в жизнь деревни, при этом защищая и оберегая старые порядки. Он даже ухаживал за парочкой подходящих невест, но те шарахались от него при приближении моей мамы.

Бертрита раскатисто рассмеялась.

— А потом произошёл этот случай с моей тётёй, — начала было продолжать историю девочка, но её перебили.

— Всё, ребятня, давайте по домам. Уже поздно, — подошла к ним одна из родительниц.

— Не-е-ет... — хором взвыли дети.

— Да, — коротко, но чётко сказала мать, подняла на руки младшего и подтолкнула в спину старшего.

— Бертрита! Ничего пока не рассказывай без нас. Давай завтра встретимся все вместе, и ты дальше расскажешь.

— Да, Бертрита, и без нас не рассказывай... — взвыли другие малыши, за которыми подходили их родители.

— Завтра, Бертрита! Давай завтра расскажешь всем нам!

— Хорошо! — крикнула девочка, чтобы её услышали и те, что ещё были рядом, и те, что уже уходили. — Завтра!

Ребятня разошлась. Костёр потушили. Чан и кружки отнесли в дом.

Люди улеглись.

Савва не мог уснуть. Он смотрел в окно на лес и думал об историях Бертриты: «Какая же тоска обуяла эту бедную девчонку, что она сочиняет такие истории. Почему истории именно такие? Какая жесть наверно, была в её настоящей жизни, что она так яростно хочет быть дочерью вождя медвежьего клана».

Вдруг он увидел, как человеческий силуэт бежит к лесу. Савва опешил и сел на кровати, напрягая глаза. Это была Бертрита, она скрылась за деревьями.

«Вот глупында!» — выругался он про себя и кинулся наружу, по дороге сгребая обувь, тёплую безрукавку и ружьё.

— Куда это он ломанулся? — спросила, проснувшись, младшая сестра у старшей.

— Перепил узвара. Спи, — пробурчала старшая.

Савва бежал в лес. Ружьё очень мешало, но без него туда он не ходил.

Ворвался в заросли и сразу начал кричать:

— Бер-три-та!

Не успел он набрать воздуха, чтобы прокричать четвёртый раз, как она выбежала ему навстречу разъярённая и покрасневшая.

— Что ты тут делаешь! Я тебя сюда не звала!

— Ты глупая! Потеряешься или звери утащат! Давай я отведу тебя домой, пожалуйста? — закончил он примирительно, видя, в каком состоянии девочка.

— Мой дом как раз там... — она махнула в сторону леса. — Ты не сможешь меня отвести.

— Бертрита... — начал было Савва.

Но тут послышался волчий вой. Девочка не испугалась, прислушалась к нему внимательно, а потом ещё больше разозлилась. Быстрыми шагами направилась к деревне. Савва же струхнул, поднял ружьё. Бертрита стукнула по ружью рукой.

— Убери это! Видишь, я иду.

Она молчала и топала всю дорогу до избушки. Савва задумался.

— Что ты там делала? Что ты хотела-то?

— Я вызвала маму. Это было глупо. Но я так соскучилась. Мне их дико не хватает. Я хотела вернуться к себе домой. Но из-за тебя я её даже не увидела и не обняла!

— Маму... — поёжился Савва. — Это она выла? Что же она сказала?

— Она сказала, чтобы я шла с тобой, если не хочу, чтобы наутро вся деревня бросилась искать меня в лесу, по пути отстреливая всех волков и медведей.

Савва уставился на неё во все глаза.

— Всё, проводил. Спасибо. Теперь иди домой! — выдала всё ещё злая девочка.

— Ну нет, я сдам тебя на руки твоим приёмным родителям. Вижу же, сейчас побежишь назад.

— Не смей меня позорить! Я сама зайду. Обещаю, не выйду. По крайней мере, сегодня.

— Клянись сердцем!

Бертрита, уже знавшая обряд детворы, два раза стукнула ребром ладони по груди, рисуя на ней крест. После такого знака нарушать своё слово было нельзя, а то не будет потом тебе веры до скончания времён.

Савва проследил, как она вошла в дом, и пошёл спать.

— Что-то ты долго? — сказала младшая сестра, проснувшись от того, что Савва укладывался спать. — Совсем плохие ягоды попались?

— Что? — не понял Савва.

Малышка хихикнула и уснула.

На утро Бертрита проснулась помятая и уставшая. Она угрюмо умылась и вышла к столу, на котором её ждала остывшая каша. Бертрита проморгалась и поняла, что она безбожно проспала утро и все уже встали и ушли по своим делам. А её пожалели и дали остаться в кровати. Она медленно прожевала кашу, утёрлась и вышла во двор.

— Бертрита! — окликнула её проходящая мимо девочка. — Мы всё придумали! И уже договорились: сегодня вечером собираемся в седьмом дворе. Все принесут картошки для запекания. А шестилеткам поручили насобирать орехов и ягод. Я принесу пирожки... — девочка остановилась, заметив помятый вид Бертриты. — Ты же придёшь? Тебе что, плохо?

— Мне плохо, да. Но я приду. Я не больна, — ответила Бертрита.

— По-ня-ла... — промолвила девчонка. — На, возьми, — она протянула Бертрите свои красные бусы, на которые та заглядывалась все две недели. Бертрита никогда не имела украшений, а у всех девочек в деревне были: — Это волшебные бусы. Если наденешь — вся тоска уходит и появляются силы жить.

Бертрита замерла удивлённо, глядя на вещицу. Было видно, что она несколько секунд решала, верить или нет. Она перевела взгляд на девчонку, ища в её лице подсказку.

Девчонка, осознав метания Бертриты, сделала максимально честное лицо и ударила себя боковиной ладони в грудь два раза крест-накрест.

— А-а-а... — вырвалось из груди Бертриты. Она благоговейно взяла бусы и аккуратно надела на шею, и улыбка действительно сама озарила её лицо.

— Ну вот, видишь, — сказала девчонка и, убегая по делам, добавила: — Приходи после захода солнца.

Бертрита побежала к своей приёмной матери узнать, что от неё требуется сегодня, и весь день хорошо работала, иногда отвлекаясь, чтобы потрогать бусы, каждый раз испытывая прилив радости.

Когда село солнце, ребятня со всей деревни потоками стекалась в указанный двор. Все несли в руках угощения: картофель, яблоки, сухари. А шестилетки шагали походкой настоящих добытчиков, и у каждого в испачканных подолах рубашек болтались ягоды и орехи. Когда последний краешек солнца скрылся за горизонтом, костёр уже полыхал, а брёвна и пеньки были расставлены вокруг него в большой круг и посчитаны так, чтобы каждому досталось место.

И только после того как все расселись, поделив угощение, и первый организационный гам утих, Бертрита заговорила:

— Я хотела рассказать вам про мою тётю Мягкий дым. Она тоже, как и мой отец, долго не могла выбрать себе пару, хотя от неё, в отличие от моего отца, претенденты не шарахались. Наоборот, за ней ухаживали семеро. Но она никому не ответила взаимностью. И когда мой папа поинтересовался, чего это она с этим делом медлит, тётя ответила:

«Да все какие-то мелкие по сравнению с тобой. Не могу же я выбрать мужа меньше, чем мой младший братишка!» Посмеялись они над этим и проехали. Но однажды, когда они гуляли по лесу, встретился им огромный мохнатый медведь.

«Ты посмотри, какой гигантский!» — восхитилась тётя.

«Нет-нет-нет! — испугался мой папа. — Он не оборотень, даже не думай! В нём же нет человечности, как ты будешь с ним общаться!»

«Ну, человечность — не самое лучшее качество на земле», — ответила тётя.

«Наша мать умерла, рожая меня, потому что я был очень крупным. Подумай над этим!»

«Думаю, анатомия была там ни при чём. Наша мама умерла, рожая тебя, чтобы ты считал себя особенным», — подтрунила в ответ тётя.

Разговор забылся. Но через два дня моя тётя исчезла. И, когда до моего отца дошла эта весть, он опять выдал, ставшее уже коронным: «О, нет-нет-нет!..»

Мягкий дым вернулась через месяц, к началу июня. А в феврале она родила трёх медвежат. Предчувствуя количество детей наперёд, она решила рожать в медвежьем облике.

Когда медвежья оборотень отправляется рожать, в её логово никто не суётся до тех пор, пока она сама не выйдет. Хотя, конечно, всему клану было любопытно увидеть новорождённых.

В конце мая Мягкий дым вывела своих отпрысков на главный двор, все обитатели поселения собрались, чтобы поприветствовать её и познакомиться с новыми членами клана.

Трое медвежат катались по двору играя и кусаясь, периодически оборачиваясь полугодовалыми детишками. Все поняли, что в основном они пребывали в медвежьем обличье, когда такое происходит, то организм оборотня растёт по звериным часам, а не по человеческим.

«Познакомьтесь, клан, это Беркан, — подняла за ногу одного из детей Мягкий дым, он перекинулся в медвежонка и цапнул её за руку. Мать выронила его на мягкий дёрн, и он покатился дальше. — А это Беркай, — она подняла за загривок другого медвежонка, который тут же обернулся ребёнком, его кожа выскользнула из руки, и он удачно приземлился на землю попой.

В следующий момент мой папа осознал, что третий медвежонок не перекидывался в ребёнка ни разу с момента появления на площади.

«Он... Он, что?..» — начал бубнить отец.

«А этого зовут Однозначный Бер. И да, он чистый медведь».

Детвора сидела замороженная и довольная.

— После этого случая, — продолжила Бертрита, — мой отец не стал дальше притворяться, что ищет себе жену, и сделал предложение моей маме, признав, что с их чувствами ничего не сделать. Да что бы ни случилось, всё не хуже, чем у сестры выйдет, — Бертрита залилась смехом.

— А у тебя есть братья и сёстры?

— Нет. Я единственный ребёнок. Но отцу не пришлось переживать за наследников — у него теперь куча племянников.

— И что, ты росла вместе с Однозначным Бером — настоящим медведем, и он никого не съел?

— Да. И вы тоже. Кусок леса, примыкающий к вашей деревне, — его территория. Папа специально ему её отдал, чтобы к людям ближе был наименее враждебный медведь.

Ребятня пораскрывала рты.

— Однозначный Бер, вообще, очень хороший медведь, только он боится всё-таки людей, как ни пытались два других моих двоюродных брата сделать его общительным.

В прошлом году, когда им всем уже исполнилось по тринадцать, отправил мой папа их в город какое-нибудь ремесло осваивать.

Так они выбрали актёрское. Два года они гастролировали с бродячим цирком. Вначале Беркан и Беркай затащили в своё путешествие и Однозначного Бера, давали с ним представление. Однозначный Бер катался на велосипеде, расхаживал в пиджаке и шляпе, боролся с братьями прямо на сцене, крутил обруч и делал прочую весёлую лабуду. А Беркан и Беркай всё время были рядом, на случай, если он что перепутает или в нём проснётся агрессия. Иногда вместо Однозначного Бера, когда тот был не в духе, на сцену выходил в облике медведя Беркан, а Беркай оставался в образе человека. И тогда их фокусы завораживали даже циркачей, никогда не видевших таких способностей у зверей.

Поначалу Однозначному Бери было весело с братьями. Но уже через пару месяцев он затосковал по лесу и два раза отправлялся домой прямо через жилые поселения сам. Беркан и Беркай догоняли его, возвращали. И это были очень нервные часы, ведь люди боялись Бера, хоть цирк успевал кинуть клич, что сбежал дрессированный медведь, не агрессивный: если увидите — не бойтесь, дайте ему поесть, не пытайтесь остановить, мы поймаем его сами.

После третьего месяца гастролей стало понятно, что Бера надо возвращать в лес. Хоть человеческая жизнь была для него вторым домом, его истинная природа звала заниматься медвежьими делами. Ему, в отличие от братьев, уже вовсю пора было продолжать род, закреплять за собой территорию. Так как он жил только в медвежьем обличье, то вырос быстрее братьев и не мог больше развлекаться и познавать мир. К тому же посмотреть на их номер в цирке стали стекаться огромные толпы народа. А Бера это стало нервировать. Он убегал со сцены. И один раз даже по-настоящему подрался с Берканом, тому пришлось частично принять вид медведя, чтобы противостоять медвежьему брату. Благо Беркай подстраховал и опустил занавес, а то Беркану не поздоровилось бы. Мои кузены смирились и отвезли Бера в деревню медвежьих оборотней, и мой отец отпустил его в лес, посоветовав занять территорию рядом с вашей деревней. Это Однозначный Бер выполнил с превеликим удовольствием. Видеть изредка людей для него не было стрессом, в отличие от других медведей: ружья он узнаёт издали, безоружных никогда не тронет.

А Беркан и Беркай вернулись в цирк. Теперь кто-то из них всё время был в медвежьем обличье, а другой в человеческом. Благо, они так похожи друг на друга, что их не отличить. От этого номера расцвели: медведь спокойно считал, рисовал фигуры, отвечал правильно на вопросы «да» или «нет». В общем, шоу мирового уровня. Может, кто-то из вас видел их выступления? Они только этой весной закончили гастролы и вернулись в клан.

— Эх, как бы я хотел посмотреть! — вздохнул восьмилетний мальчик, а за ним и все те, кто тоже хотел бы увидеть это.

Началась оживлённая беседа. Мальчишки рассказывали, какие бы фокусы придумали они, имея возможности медвежьих оборотней. А девочки обсуждали, насколько же это глупое занятие и лучше бы молодые оборотни научились более практичному делу. Бертрита улыбалась и слушала ребят, а потом кинула взгляд на лес, и столько нежности и тепла было в нём.

— Дети. По домам, — слышались голоса родителей. И ребяшня огорчённо запротестовала.

— Давайте быстрее, — настаивали родители.

И, потихоньку смирившись, детвора стала расходиться. Бертрита со своими приёмными братом и сестрой пошла спать. Савва догнал их, чтобы проводить.

— Савва, — обратилась Бертрита.

— Да.

— Я сегодня уйду. Не могу, скучаю по дому. Не ищите меня. Не убивайте Однозначного Бера и волков.

— Нет! Бертрита, это опасно!

— Я позову родителей. Ты можешь меня проводить и убедиться, что меня не съели. Только не сдавай меня приёмной семье. Дай уйти, если ты мне друг.

— Друг? — Савва удивился и обрадовался.

— Ну да, разве не так дружат у людей? — уточнила Бертрита.

— Так. Ты мне тоже друг. Хорошо. Пойдём в лес вместе. И если никто за тобой не придёт, ты вернёшься со мной.

— Хорошо. Как все уснут.

В назначенный час Савва с ружьём через плечо шагнул к месту, где в прошлый раз нашёл Бертриту. Она уже ждала.

— Первый клич родителям я кинула полчаса назад. Скорее всего, они уже на подходе. Давай прощаться.

Бертрита подошла к пареньку и обняла его.

— Спасибо, что ты так заботаешься обо мне. Благодаря вашей деревне я поняла, что люди — отличные существа. С вами можно и нужно договариваться. Но моя душа очень привязана к клану, маме с папой. Я, пожалуй, останусь одинокой в паре, но буду жить там среди родных.

— Бертрита, может, если бы прошло больше времени, ты бы лучше себя чувствовала у нас? Мне кажется, ты здорово прижилась. Тебе не надо куда-то уходить.

— Овцы от меня шарахаются! — попыталась пошутить девочка.

— Ну и фиг с ними. Я вот шью ужасно: все пальцы в кровь, а из ткани куриная жопка получается, — попытался ответить шуткой Савва.

Оба грустно улыбнулись.

И тут слышался вой. Савва схватился за ружьё. Девчонка спокойно опустила его ружьё руками.

— Это мама. Они пришли. Стой здесь. Не стреляй. Просто поверь мне. Всё будет хорошо.

И Бертрита зашагала вперёд по тропинке. Савва стоял как вкопанный, на всякий случай вскинул ружьё и приготовился стрелять.

На свет из ночной тьмы вышли две фигуры. Огромный медведь и длиннопалый волк. Они медленно шагали бок о бок. От них не исходило ни агрессии, ни страха. Бертрита подбежала к ним и обняла за шеи. Было видно, она что-то быстро говорит. Волк и медведь глянули на Савву. Тот трясся и целился в них.

А потом Бертрита залезла на спину медведю, и они скрылись за деревьями.

Парнишка минут двадцать стоял, всматриваясь и вслушиваясь в лес. Но было тихо. Он заплакал, хоть четырнадцатилетние не плачут. Утерев лицо рукавом, Савва пошёл домой.

Бертрита слезла со спины отца, чтобы пройти немного пешком и дать тому отдохнуть. Всё-таки она уже не ребёнок, тяжёлая.

— Ладно. Ничего страшного. Попробуем ещё раз отправить тебя к людям в пятнадцать. Вдруг получится, — констатировал человеческим голосом медведь.

Бертрита шла молча. Не собиралась она повторять это в пятнадцать.

— Что это у тебя на шее? — спросила волчица, чтобы разрядить атмосферу.

— О! — воодушевилась Бертрита и важно поведала: — Это человеческая магия! Вы говорили, что они ею не владеют. Но это не так! Эти бусы избавляют от тоски и возвращают человеку способность снова улыбаться.

— О-о! — протянула мать. И хорошо, что у неё была волчья морда, а то она не смогла бы скрыть улыбки.

— Они могут преследовать Однозначного Бера. Я позвал его в нашу деревню на время. Но он отказался уходить, — продолжил разговоры о серьёзном отец.

— Я подумала о нём, папа, и о волках. Я кое-что сделала, чтобы на них не напали. Я договорилась с человеком — моим другом. Савва поможет.

Утром в деревне был переполох. Дети бесперебойно твердили, что Бертриту забрали её родители — волк и медведь и что она не сирота, а дочь оборотней. Взрослые собирались на поиски девочки, заряжали ружья, собирали провизию в дорожные сумки.

Савва бежал на главный двор. Весь взмыленный, он вошёл в толпу взрослых и начал кричать:

— Бертрита не в лесу. Она у родителей. Её забрали.

— Что?! — откликнулось несколько голосов. — Тихо! Что ты сказал?

— Вчера вечером мы договорились с ней утром встретиться. Я хотел ей показать лису, что по утрам охотится у дороги. Бертриту очень интересуют жители леса. Я взял кусочки мяса, чтобы лису подманить поближе. И вот, когда мы сидели у дороги и выжидали, увидели запряжённую повозку, приближающуюся к нашей деревне. Оказалось, это тот мужчина, который привёз Бертриту сюда. С ним была женщина. Он женился и приехал забрать Бертриту к себе. Она так обрадовалась ему. Они торопились, не стали заезжать, чтобы поговорить с вами, — Савва обратился к приёмному отцу Бертриты. — Так как я был там, они отправили меня к вам с посланием. Просили передать огромное спасибо, что присмотрели за Бертритой, и вот эти деньги в знак благодарности.

Савва протянул небольшой мешочек с монетками.

Последовало общее молчание. Затем приёмный отец Бертриты взял мешочек и пошёл домой. Остальные взрослые, раздавая подзатыльники своим детям, тоже стали расходиться.

Несколько ребят подбежали к Савве.

— Ты что?! Ты же нам говорил, что её увели медведь и волк!

— Да, так и было. Но вы же видите, к чему это привело. Пусть они думают, что её забрали люди.

— Классно ты придумал! Но только скажи, где ты взял целый мешок денег?

— Ох, вот это хуже всего. Там всего две мои монеты, всё то, что я за жизнь заработал. А остальное я своровал у родителей. Мне теперь надо вернуть это во что бы то ни стало, и как можно скорее. Они могут догадаться, проверить, как только вернуться домой. Пока я положил в их мешочек камешки.

— Поняли, — сказали ребята. — Жди дома. Скоро будем.

Трое мальчишек и две девчонки побежали по деревне, что-то быстро сообщая другим детям. И ровно через пятнадцать минут один из них подбежал к дому Саввы. Савва высунулся в окно. Мальчишка протянул ему мешочек, полный монет.

— Положи своим родителям. Не бойся. Мы не своровали. Это наши деньги. Каждый дал, что у него есть.

Прошло шесть лет. Четырёхлетние стали десятилетними, десятилетние стали женихами и невестами, а шестнадцатилетние рожали уже не первых детей. Деревня и лес дышали, развивались и росли.

Савва стал отличным плотником и заместителем старосты деревни. Он сел передохнуть от работы и, как это часто у него бывало, уставился на лес. Обычно это приносило ему спокойствие и выводило на философские мысли. Но сейчас он подскочил, уронив свой обед.

Лес горел. Пожар ещё был небольшой и, судя по дыму, не очень далеко от деревни.

Савва рванул на площадь, где висел колокол, он дал три удара, что означало пожар.

Жители завертели головами, чтобы понять, где горит.

Уже через двадцать минут, вооружённые лопатами, верёвками, пилами, с обмотанными мокрыми тряпками лицами, жители подходили к зоне поражения. В планах было остановить распространение огня. Быстро оглядев периметр, они прикинули, где копать, а где валить деревья и, не теряя ни минуты, приступили к работе. Её было слишком много для одной деревни. Большая вероятность, что люди не справятся. Но они старались не думать об этом, чтобы не падать духом.

И тут из глубины леса выбежала девушка. Она ловко перепрыгивала через преграды и тщательно высматривала кого-то в толпе. Один из мужчин похлопал Савву по плечу:

— Смотри! — только и сказал он.

Савва несколько секунд вглядывался в лицо и фигуру девушки.

— Бертрита! — вскричал он.

Несколько людей рядом обернулось.

Это правда была она. Подбежав к людям, она заговорила, обращаясь в основном к Савве:

— Мой клан на подходе! Мы тоже будем копать и валить деревья. Берём на себя вот эту сторону. Мой клан придёт в медвежьем обличье. С ними волки и настоящие медведи. Не стреляйте! — и она выжидающе уставилась на Савву и тех, кто стоял вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.